

УДК 343.2

*Т.П. Евсеенко***К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОРРУПЦИИ В АНТИЧНОМ МИРЕ**

В статье рассматривается проблема коррупции в античном мире. Анализируются особенности полиса – государства, являющегося гражданской общиной. Делается вывод, что общинный характер государства не только не исключал в нём коррупцию, но, напротив, создавал условия для возникновения новых её разновидностей. Субъектом коррупционных практик здесь мог выступать не только магистрат, человек, облечённый властными полномочиями, но также и частное лицо, получившее конкретное поручение от правительства Римской республики. Благодаря подобным поручениям эти люди приобретали возможности для злоупотребления властью, носителями которой они фактически не были. Приводятся факты, подтверждающие позицию автора и приводящие к выводу, что коррупция в Древнем мире не только существовала в полисном государстве, но обладала многоликостью и разнообразием, не уступающим коррупции в современном мире.

Ключевые слова: античная цивилизация, античный мир, полис как форма государства, коррупция в античном мире, факты существования коррупции в античном мире, коррупционные практики в античном мире.

DOI: 10.35634/2412-9593-2020-30-1-132-138

Античная цивилизация подарила нашей современности многое: и представление о таком институте, как гражданство, и неразрывно с ним связанные представления о гражданских правах. Само понятие «демократия» тоже пришло к нам из античной цивилизации. Порождением античности стало и классическое римское право, которое легло в основу современных правовых систем Европы. Ну, а о вкладе античной цивилизации в сокровищницу мировой культуры, как представляется, говорить излишне, ибо нет на нашей планете хоть сколько-нибудь образованного человека, не слышавшего о Платоне и Аристотеле, Фидии и Праксители, Геродоте и Таците.

Одним из величайших созданий античного мира в политической и социальной сфере являлась такая форма государства, как полис, изначально представлявший собой небольшую – от нескольких сот до нескольких тысяч человек – общину граждан, совместно владеющих землёй, часть которой могла находиться в коллективной собственности, совместно управляющих общими делами, участвуя в народном собрании и суде. Идеальным гражданином полиса считался землевладелец, умело ведущий своё хозяйство и являющийся воином-защитником Отечества. Именно этот человек признавался истинным государственным мужем, способным здраво судить о интересах всего общинного коллектива, взвешенно и мудро решая, в единстве со всеми своими согражданами общие дела государства.

При всей привязанности к своему государству гражданин полиса вовсе не растворялся в коллективе. Наоборот, он формировался как личность, осознающая и свои собственные интересы, свободная от чрезмерной государственной регламентации и от правительственных ограничений, которые стесняют его индивидуальную свободу. Об этих качествах гражданина полиса говорил Перикл в своей Надгробной речи, произнесённой на торжественных похоронах воинов, павших в бою со спартанцами в 431 г. до н.э.: «Свободные от всякого принуждения в частной жизни, мы в общественных отношениях не нарушаем законов и повинемся лицам, облечённым властью в данное время»¹. А лицом, облечённым властью, в полисе мог оказаться практически любой гражданин, которому оказывали доверие его сограждане. По словам Аристотеля, «только при этом государственном устройстве все пользуются свободой ... А одно из условий свободы – по очереди быть управляемым и править»².

Особенностью полиса как формы государства являлся удивительно высокий уровень солидарности его граждан. По словам советских учёных И.М. Дьяконова и В.А. Якобсона, «полисная солидарность была одновременно и правом, и обязанностью граждан вплоть до того, что они в массовом порядке, не на словах, а на деле (как о том свидетельствуют сохранившиеся исторические известия) ставили интересы полиса выше личных или узкосемейных. Даже налог трудом – трудовая повинность (литургия) выступала как почетная обязанность, которую знатные и богатые роды могли принимать на свой счет. В то же время нуждающиеся члены полиса имели право рассчитывать на полное

¹ Thuc. II, 37,3.

² Arist. Polit. 1317a.

содержание со стороны коллектива своих сограждан»³.

Казалось бы, в ТАКОМ государстве даже саму мысль о коррупции следует с негодованием отбросить в сторону как нечто невозможное. В самом деле, перед нами государство, граждане которого **сами** решают общие дела, коллектив, в котором в принципе невозможны «неформальные» лидеры, и не потому, что кто-то что-либо запрещает, а просто потому, что любой лидер здесь неизбежно будет рано или поздно избран согражданами на формальную должность. Человека не авторитетного, не уважаемого никто не изберёт. Казалось бы, всё просто. В таком государстве вряд ли найдётся чудак, согласившийся брать взятку или, вопреки закону, утверждённому общим собранием гражданского коллектива, оказывать «протекцию» явно недостойному члену общества. Однако исторические и юридические источники рисуют совсем иную, не столь благодетную картину.

Уже датируемые 450 г. до н.э. Законы 12 таблиц требовали «карать смертной казнью того судью или посредника, которые были назначены при судоговорении [для разбирательства дела] и были уличены в том, что приняли денежную мзду по [этому] делу?»⁴.

Веком позже (IV в. до н.э.) афинский оратор Демосфен, выступая в суде, сослался на сходный по смыслу закон своего государства, гласивший: «Если кто-нибудь из афинян возьмет от кого-либо взятку, или сам предложит другому, или подкупит кого-либо обещаниями, произведя эти действия во вред народу или лично кому-либо из граждан, используя при этом любые способы и ухищрения, он должен быть лишен гражданской чести, сам и его дети, а имущество его подлежит конфискации и продаже с торгов»⁵.

Впрочем, коррупция процветала не только в судах. Аристотель в своей «Политике» отмечал, например, такое качество уважаемых спартанских геронтов (старейшин), как «подкупность»⁶. И это притом, что государственный строй Спарты виделся многим грекам образцом для подражания. Да и само принятие законов, которые, как показывают труды современников тех событий, нередко создавались к выгоде не столько всего гражданства, сколько тех или иных олигархических групп, нередко обеспечивалось простой «покупкой голосов» в народном собрании. Как утверждал историк Аппиан, «...магистраты (в Римской республике) назначались среди раздоров и взяточничества, при всякого рода злоупотреблениях, с помощью камней и мечей. Тогда бесстыдно царили подкуп и взятка, и сам народ приходил на выборы подкупленным»⁷.

Коррупция в древности была столь же многолика и многогранна, как и в наше время, но чаще всего она сводилась к подкупности и продажности общественных и политических деятелей, должностных лиц. Следствием этой подкупности и продажности обыкновенно становилось злоупотребление возможностями государства в частных интересах. Но античное государство-община создавало и некоторые формы коррупции, невозможные в территориальных государствах современного типа. Условия для них коренились именно в общинном характере государственности.

Правительственные функции в полисе, как правило, поручались избранным должностным лицам – магистратам. Но им требовались сотрудники, способные выполнить их решение или проконтролировать его осуществление подчинёнными. В качестве таких сотрудников обычно использовались люди, не состоявшие на официальной государственной службе, а связанные с магистратом либо дружескими, либо клиентскими отношениями. Таким образом, будучи частными лицами, они выполняли работу, обычно возлагаемую на государственных чиновников.

Более того, не редким явлением были поручения, данные государственными органами частным лицам, которых обязывали выполнять те или иные важные управленческие функции. Данный факт недвусмысленно подтверждается речью авторитетнейшего римского сенатора Тразея Пета, произнесенной в ходе одного из судебных процессов в 62 г. н.э.: «В былые времена не только преторов или консулов, но и частных лиц посылали в провинции с предписанием ... доложить, в какой мере их обитатели покорствуют нашей воле, и целые народы трепетали перед приговором, выносимым отдельными простыми гражданами»⁸.

³ Дьяконов И.М., Якобсон В.А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии // Вестник древней истории. 1982. № 2. С. 13.

⁴ Законы XII таблиц // Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М.: Зерцало, 1997 (далее – Законы 12 таблиц). Таблица IX.3.

⁵ Demosth. XXI, 113 // С. 99.

⁶ Arist. Pol. 1271a.

⁷ App. Bell.Civil. II, 19.

⁸ Tac. Ann. XV, 21.

То, что Тразея Пет в данном случае говорил, зная реалии своего времени, не прославляя и не идеализируя прошлое, свидетельствуют события, современником которых он не был лично, но наверняка мог узнать о них у ещё живых очевидцев. Речь идёт о событиях, произошедших в 6 г. до н.э. в Малой Азии. Тогда император Август поручил своему личному другу разобрать конфликт между гражданами города Книда. В своём письме, адресованном книдянам, он писал: «Я поручил расследовать (это дело) Галлу Азинию, моему другу»⁹. Обращает на себя внимание сам факт подобного поручения, которое было дано не официальному римскому уполномоченному в регионе, например, проконсулу провинции Азия, а лицу, чьи полномочия вроде бы специально не оговариваются, но которое получает достаточно высокий статус в глазах провинциалов именно благодаря его «дружбе» с императором Августом.

Другим примером подобного «поручения», данного частному лицу, в котором ему фактически предписывалось исполнять обязанности государственного служащего, может служить назначение римского всадника Гая Корнелия Галла префектом недавно присоединённого Египта. Некоторые детали этой истории известны нам благодаря скандальному уголовному процессу, потрясшему римское общество в 26 г. до н.э.

По словам Диона Кассия, «Корнелий Галл преисполнился гордыни из-за оказанной ему чести. Он позволил себе много непочтительных отзывов об Августе, а также множество других предосудительных действий, ибо он, как говорят, не только понаставил собственных статуй по всему Египту, но и написал на пирамидах перечень своих деяний. За это он был обвинен Валерием Ларгом ... и с позором снят Августом, запретившим ему появляться в императорских провинциях. После этого ... Сенат единогласно постановил признать его виновным, изгнать и лишить имущества ... Придя в отчаяние от всего этого, Галл покончил с собой еще до вступления в силу этого постановления...»¹⁰. Столь суровое наказание позволяет предположить, что сенат признал бывшего префекта Египта виновным «в оскорблении величия римского народа».

Между тем внимательный анализ сообщения Диона Кассия показывает, что действия префекта вообще не заслуживали осуждения. Назначенный в страну, которой ранее управляли эллинистические цари, Галл просто действовал в духе местных традиций. На стенах отдельных храмов (а вовсе не пирамид) он разместил надписи, свидетельствующие о успехах, достигнутых в годы его правления¹¹. Учитывая, что официально Египет не был римской провинцией, а считался личным владением императора, префект вообще не находился на государственной службе, а был личным представителем Августа. Обязанный заботиться о поддержании авторитета власти Рима у аборигенов (в привычных для них формах) он добросовестно выполнял свои обязанности. Вряд ли здесь можно усмотреть что-либо оскорбительное и лично для Августа, чьё верховенство Галл однозначно признавал и оговаривал в сделанных им надписях¹².

Таким образом, Гаю Корнелию Галлу, формально частному лицу, было дано поручение управлять территорией, стратегически важной для Римского государства, поскольку Египет являлся важнейшим поставщиком хлеба в Рим. Причиной выдвижения против отставленного правителя этой страны столь серьёзного обвинения, вероятно, стала не его «личная нескромность», а «чрезмерная самостоятельность» префекта, использовавшего частную, как казалось, службу Августу (в его личных владениях), как трамплин для «государственной» политической карьеры. Очевидно, именно такое стремление «друга принцепса» было воспринято Сенатом как корыстное злоупотребление положением на частной службе.

⁹ Syll³, 780.

¹⁰ Cass. Dio. LIII. 23, 5-24, 3.

¹¹ Само по себе содержание надписей не могло казаться вызывающим. Так, одна из надписей гласила: «Гай Корнелий Галл, сын Гая, римский всадник, после уничтожения египетских царей поставленный Цезарем первым над Египтом, в течение пятнадцати дней, дважды одержав победу в бою, победивший восставшую Фиваиду, взявший частью приступом, частью после осады пять городов – Боресиду, Копт, Керамику, Великий Диополь, Офией, убив при этом вождей восстания, переваливший с войском пороги – место, бывшее непроходимым для войска до него, подчинивший всю Фиваиду, не покоренную царями, принявший послов эфиопов в Филах и получивший от их царя проксению, назначивший тирана в одной топархии Эфиопии, Триаконтасхойнос, – в дар отечественным богам и Нилу помощнику».

¹² См.: CIL. III, 14147 (OGIS-654)

Сам принцепс первоначально, видимо, не придавал значения нападкам на своего префекта в Сенате. Более того, он, возможно, даже решил использовать их в своих интересах для «воспитания» на данном примере других провинциальных правителей, как в императорских провинциях, так и в сенатских, стремясь исключить «излишнюю» самостоятельность и тех, и других и повысить исполнительскую дисциплину¹³. И столь суровый приговор оказался для главы государства совершенно неожиданным. В результате, его считавшееся ещё недавно сравнительно маловажным правонарушение переводилось в разряд особо опасных политических преступлений, влекущих за собой не просто тяжелейшее наказание, но и бесповоротный крах всей политической карьеры виновного. Именно так воспринял сложившуюся ситуацию сам обвиняемый, что было подтверждено его самоубийством. Запоздалые сожаления Августа по поводу случившегося, его публичные жалобы на то, что ему нельзя теперь даже сердиться на своих друзей, изменить ничего не могли. Учтя этот печальный опыт и стремясь исключить подобные случаи в дальнейшем, основатель Римской империи счёл за благо запретить представителям высшей аристократии – сенаторам, как правило, назначаемым на высшие государственные посты, включая наместничество в провинциях, посещать Египет с любимыми, даже самыми «невинными» частными целями¹⁴.

Кстати, и до Августа не допускали на те или иные территории представителей сенаторской аристократии, дабы ослабить их неформальное влияние, через формирование многочисленной местной клиентелы. Так, ещё Гай Юлий Цезарь, основывая в Испании колонию римских граждан Генетиву Юлию Урсона, издал для неё закон, включавший в себя, помимо других важных установлений, отказ в так называемом гостеприимстве сенаторам и их сыновьям (*quis senator senatorisve filius populi Romani*)¹⁵. Новым во времена Августа стало недопущение сенаторов именно на территории, которые формально частью Римского государства не являлись, а значит, на которых сенаторы изначально не обладали какими бы то ни было полномочиями представителей Римского государства. Казалось бы, частная служба того или иного лица другому лицу, пусть даже занимающему высокий пост в государстве, не должна беспокоить официальные власти. А любые материальные и служебные выгоды этого лица, полученные на такой службе, остаются исключительно его частным делом. Однако Сенат, выступавший в первые годы империи реальным представителем римской *civitas*, оценил реальный характер формирующейся императорской власти и попытался ввести её представителей в рамки, традиционные для республиканской эпохи.

Для этих рамок немыслимым представлялась именно неограниченность императорских полномочий, которая создавала возможности для коррупционных преступлений любого типа. И попытки превратить власть принцепса в одну из традиционных республиканских магистратур, пусть даже в магистратуру чрезвычайную, и раньше предпринимались Сенатом на протяжении первых лет существования ранней Римской империи. Примером такого подхода может служить судебный процесс по делу проконсула Македонии Марка Прима в 23 г. до н.э.¹⁶ Проконсул обвинялся в развязывании без санкции Сената внешней войны за пределами своей провинции. Присутствовавший на процессе император вёл себя более чем сомнительно, заслужив ехидные вопросы со стороны адвокатов обвиняемого.

Двусмысленность поведения Августа, как в деле Прима, так и в деле Галла, не была случайной. Хотя суть обвинения сводилась к превышению должностных полномочий и проконсулом, и претором, фактически встал вопрос о полномочиях и, говоря точнее, правовом статусе самого императора¹⁷. Тем более это касалось представителей императорской администрации на местах. Значительная

¹³ Межеричкий Я.Ю. Республиканская монархия: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; Калуга: Изд-во КГПУ, 1994. С. 254. Также см.: *Его же*. «Восстановленная республика» императора Августа. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. С.329.

¹⁴ Когда Германик, который был не просто сенатором, а членом императорской семьи, к тому же направленный в восточные провинции империи с чрезвычайными полномочиями, в 19 г. н.э. посетил Египет в качестве туриста, император Тиберий сделал ему за это строгий выговор. См.: Тас., *Ann.* II, 59; *Dio Cass.* LI, 17.

¹⁵ Избранные латинские надписи по социально-экономической истории Ранней Римской империи / пер. Е.М. Штаерман // ВДИ. 1956. № 2. № 1045.

¹⁶ Подробный рассказ об этом даёт Дион Кассий (*Cass. Dio.* LIV, 3).

¹⁷ Прим ссылался на распоряжения Марцелла, считавшегося в тот момент наследником Августа. Он утверждал, что воспринял их как указания самого императора. Однако Македония находилась под управлением не императора, а сената, что ставило проконсула в весьма неопределённое положение. Было не ясно насколько обязательными являлись для него, сенатского проконсула, указания императора, да ещё переданные не прямо, а окольным путём, через посредство третьего лица.

часть времени правления первых принцепсов из династии Юлиев-Клавдиев ушла именно на решение этой проблемы.

Пока вопрос не был решён окончательно и императорская власть не была институционализирована и закреплена в соответствующем законодательстве, правителям Римской империи приходилось сплошь и рядом обращаться к республиканскому опыту, прибегая к услугам частных лиц для обеспечения эффективности управления государством. А неопределённый характер власти, прежде всего выразившийся в неопределённости полномочий этих лиц, создавал условия для многочисленных злоупотреблений этой властью в своих личных интересах.

Огромные полномочия, получаемые такими лицами, достаточно рано породили злоупотребления с их стороны, описанные в исторических источниках. Так, Тит Ливий, рассказывает о поведении консула 173 г. до н. э. Луция Постумия Альбина, который первым потребовал от союзников (граждан города Пренесты в Италии) торжественного приема при въезде на их территорию, а также содержания и проезда за счет казны союзной общины¹⁸. Ливий подчёркивает незаконность и необычность этих требований, говоря, что «для того и снабжали должностных лиц мулами, палатками и всяким прочим военным снаряжением, чтобы они не требовали ничего подобного от союзников. Должностные лица имели частные связи гостеприимства, поддерживали их радушно и щедро, и дома их в Риме были широко открыты для тех приезжих друзей, к которым обычно заворачивали и они сами»¹⁹. Таким образом, Тит Ливий приравнивал римских должностных лиц, находившихся на территории союзников, к частным лицам, видимо, полагая, что их власть ограничена померием и границами порученных им провинций. Поступок консула историк открыто называет аморальным, хотя и признаёт, что своим злоупотреблением консул создал прецедент, который, в свою очередь, дал должностным лицам (Римской республики) «право предъявлять союзникам такого рода требования, день ото дня всё более тяжёлые»²⁰.

В этой истории наибольший интерес представляет тот факт, что явно коррупционное поведение римского должностного лица (а как ещё можно назвать вымогательство денег на личные нужды консула, проездом оказавшегося в Пренестах), не только никак не было наказано, но более того, оно послужило примером для изменения всей системы взаимоотношений Рима с союзниками.

Можно, конечно, указать на то, что данный случай, поскольку в нём идёт речь об официальном должностном лице, не вписывается в те рамки, о которых здесь ведётся разговор. Но на это можно возразить следующим образом: до 173 г. до н.э. должностные лица Римской республики обладали властью либо на территории собственно Римской *civitas*, включая, разумеется, колонии римских граждан и муниципии, либо в отведённых им «провинциях» (здесь под этим термином мы понимаем его в первоначальном смысле, т.е. не как территорию подвластную Римской республике, а как территорию, на которой римское должностное лицо осуществляет властные полномочия в соответствии с поручениями, данными ему Сенатом и комициями). На территории же союзных общин они могли выступать исключительно как частные лица, не обладающие властными полномочиями. И вот это якобы «частное лицо» нагло требует для себя выделения денег из казны союзной общины, не имея на это никаких законных оснований, и в конце концов требуемые деньги Луций Постумий Альбин получил.

Несколько раньше описываемых событий Рим стал свидетелем коррупционного скандала с участием одного из самых уважаемых людей Республики – Публия Корнелия Сципиона Африканского. На сей раз дело было не в получении взятки, и не в незаконном использовании должностных полномочий. Речь шла об открытом казнокрадстве.

Знаменитый полководец в 187 г. до н.э. добровольно отправился в качестве помощника (легата) в армию своего брата Луция Корнелия Сципиона Азиатского, направленного Сенатом для войны с селевкидским царём Антиохом Великим. Выполняя поручения брата, он, в числе прочего, очевидно, ведал и учётом военной добычи. В 185 г. до н.э., по окончании войны его политические противники потребовали финансового отчёта, включая полную оценку размеров захваченной военной добычи. Враги полководца явно обладали информацией о присвоении братьями Сципионами части этой военной добычи и надеялись, «разоблачив» казнокрадов, подорвать их авторитет. Тит Ливий так рассказывает об этом: «Когда в сенате от него потребовали отчёта за недостающие четыре миллиона сес-

¹⁸ Liv. XLII, 1, 6-8.

¹⁹ Liv. XLII, 1, 9-10

²⁰ Liv. XLII, 1, 12

терциев, он приказал брату Луцию принести расчётную книгу и на глазах ошеломлённых таким поведением сенаторов разорвал её собственными руками, негодуя при этом на то, что от него, внёсшего в казну двести миллионов, требуют отчёта в четырёх»²¹.

Судя по всему, Сципион не собирался опровергать факт присвоения недостающих четырёх миллионов сестерциев. Его возмутило само требование отчёта. По свидетельству Авла Гелия, он даже сам принёс ту самую расчётную книгу, заявив, что предлагает, чтобы «её открыто зачитали и отнесли в эрарий (казначейство). Но теперь я этого не сделаю, – сказал он, – и не нанесу сам себе обиды», и тотчас же на глазах у всех своими руками порвал её на части, тяжело перенося, что у того, кто должен был принести в качестве дохода спасение власти и государства, требовали отчёт в захваченных деньгах²².

Античные авторы, рассказывая эту историю, обращают особое внимание на «величие духа» и «чувство собственного достоинства» Сципиона Африканского, которые не позволяли ему «угодничать» перед судьями (особенно, когда они относились к его политическим противникам). Наше же внимание привлекает иная сторона дела. Отчёта требовали не у официального должностного лица, каковым являлся главнокомандующий римской армии в войне с Антиохом Луций Сципион Азиатский, а у его брата, который формально, опять-таки, никакого государственного поста в ходе этой войны не занимал. И хотя нападки производились на обоих братьев, главной мишенью являлся именно Публий Корнелий Сципион Африканский. Именно его первым привлекли к суду политические противники и именно он отбивал их атаки, не оправдываясь. Не случайно инициаторы суда обвиняли его «в надменности, с которой он оставил суд, народных трибунов и народное собрание и совершил триумф над самим римским народом в сопровождении тех, кого он лишил права и свободы изречь над собой приговор, влача их за собой, будто пленных, и увёл в этот день собрание от народных трибунов на Капитолий»²³.

Его брата Луция смогли осудить лишь после смерти Публия, возложив теперь на него вину за присвоение тех самых четырёх миллионов сестерциев. Тит Ливий далее сообщает, что когда суд потребовал от Луция Сципиона возместить недостающую сумму, продав своё имущество, то средств от продажи этого имущества не хватило даже на покрытие этой суммы, и деньги для уплаты в казну собирали многочисленные родственники, друзья и клиенты Сципионов. Они же затем выкупили обратно «то имущество, что было необходимо ему для жизни»²⁴.

В данном случае мы вряд ли сможем по истечении более чем двух тысячелетий установить, были ли деньги действительно присвоены братьями Сципионами (напомню, возмущённый обвинениями Публий Корнелий ранее уехал из Рима в своё имение и, разумеется, мог увести с собой всё что угодно, так что отсутствие средств в доме его брата Луция могло быть и толково продуманной инсценировкой, до которых Публий Корнелий был большим охотником), или они стали жертвами политической интриги, как это утверждают Тит Ливий и Авл Гелий. Для нас важно иное – такой вид коррупционной практики, как лихоимство (казнокрадство) существовал в Римской республике уже в начале II века до н.э., то есть во время расцвета Римской полисной общины (*civitas*), и не только должностные лица, но и простые граждане вполне могли оказаться участниками коррупционных схем. Тем более это стало возможно позднее, когда Римская республика оказалась в состоянии тяжелейшего системного кризиса.

Таким образом, представляется доказанным, что нередко встречающиеся в литературе утверждения об отсутствии в полисных государствах (по крайней мере, во время их расцвета) коррупции, не имеют под собой фактического обоснования. Общинный характер полисного государства не только не препятствовал возникновению этого явления, но и породил особый вид коррупции, сравнительно редко встречающийся в настоящее время. Коррупционером здесь выступает частное лицо, формально не имеющее особого статуса, который превращал бы его в потенциального деликтносителя, однако близость этого лица к государственной власти и к её возможностям часто порождала злоупотребления с его стороны. Эти злоупотребления вполне подходили под определение коррупции, данное в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»: коррупция – это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего долж-

²¹ Liv. XXXVIII, 55, 10–12.

²² Aulus Gellius. *Noctes Atticae*, IV, 18, 9–12.

²³ Liv. XXXVIII, 52, 4–5.

²⁴ Liv. XXXVIII, 60, 7–10.

ностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица. И минувшие два с лишним тысячелетия ничего здесь не изменили.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- CIL.* – Corpus Inscriptioinum Latinarum consilio et auctoritate Academiae litterarum regiae Borussiae editum. Berolini, 1863-1946. Vol. I-XVI.
- Syll³* – Sylloge inscriptionum Graecarum / ed. W. Dittenberger. – Editio tertia. – Leipzig, 1915-1924. Ed. 3. Vol. 1-4.
- App. Bell. Civil.* – Аппиан Александрийский. Римская история / пер. с греч. М.: ООО «Издательство АСТ», «Ладомир», 2002. 879 с.
- Arist. Polit.* – Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. С. 375-644.
- Aul. Gell. Noctes Atticae.* – Авл Геллий. Аттические ночи. Кн. I-X / пер. с лат.; под общ. ред. А.Я. Тыжова. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2007. 480 с.
- Cass. Dio.* – Cassius Dio, Cocceianus. Historiarum Romanarum quae supersunt / Ed. Boissevain. – Berolini: Weidmann, 1955. Vol. I-IV.
- Demosth.* – Демосфен. Речи: в 3 т. Т. 1. М.: Памятники исторической мысли, 1994.
- Liv.* – Тит Ливий. История Рима от основания города. М.: Наука, 1989-1994. Т. I-III.
- Tac. Ann.* – Корнелий Тацит. Анналы // Корнелий Тацит. Сочинения: в 2 т. Т. 1: Анналы. Малые произведения. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1993.
- Thuc.* – Фукидид. История. М.: Ладомир-Наука, 1993. 543 с.

Поступила в редакцию 14.12.2019

Евсеенко Тимур Петрович, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: timur.evseenko@yandex.ru

T.P. Evseenko

ON SOME FEATURES OF CORRUPTION IN THE ANCIENT WORLD

DOI: 10.35634/2412-9593-2020-30-1-132-138

The article considers a problem of corruption in the ancient world. The features of a polis, a state that is a civil community, are analyzed. It is concluded that the communal nature of a state did not exclude corruption in it; moreover, it created the conditions for the emergence of its new varieties. Here, the subject of corruption practices could be not only a magistrate, a person vested with power, but also a private person who received a specific order from the government of the Roman Republic. Thanks to such errands, these people gained opportunities for abuse of power, the carriers of which they actually were not. The facts confirming the position of the author are given. They lead to the conclusion that corruption in the ancient world not only existed in a polis state, but also had many faces and diversity, not inferior to corruption in the modern world.

Keywords: ancient civilization, ancient world, polis as a form of state, corruption in the ancient world, facts of existence of corruption in the ancient world, corruption practices in the ancient world.

Received 14.12.2019

Evseenko T.P., Doctor of Law, Professor at Department of the Theory and History of State and Law
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: timur.evseenko@yandex.ru